

ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук

Комментарий на Евангелие от Матфея¹

ПОМОЩЬ ИИСУСА ВСЕМ СТРАЖДУЩИМ. 8:1–17

В предыдущих главах (5–7) Матфей, изложив Нагорную проповедь, дал читателю развёрнутый образец учительства Иисуса. Теперь евангелист переходит к тому, чтобы подробно раскрыть своё краткое сообщение из 4:23–25: «и ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях». Сжатым, выразительным слогом Матфей изображает чудотворения Спасителя и в целом Его многотрудную деятельность, проходившую в непрестанных странствиях. При этом для него не столь важно развёрнутое описание отдельных событий. Марк и Лука рассказывают о многом подробнее и нагляднее. Зато Матфею тем лучше удаётся, выделяя в каждом случае главное, показать не только как Иисус мыслил и к чему стремился, но и создать необыкновенно живую и выразительную картину всего Его галилейского служения, требовавшего огромного напряжения сил и постоянных переходов с места на место.

При сравнении трёх синоптических Евангелий читателя, желающего составить представление о хронологии жизни Спасителя, нередко смущает, что синоптики порой помещают одни и те же события в разный контекст. Дело здесь в том, что мы невольно читаем евангелистов так же, как привыкли читать современные книги по истории, и потому склонны видеть в последовательности изложения, свойственной каждому из них, также и временную последовательность самих событий. В результате мы сталкиваемся с противоречиями, которые, на первый взгляд, трудно объяснить.

Чтобы разрешить эти противоречия, необходимо принять во внимание, как создавались Евангелия. Из чрезвычайного богатства слов и дел Иисуса во время Его земного служения (ср. Ин. 21:25) апостолы и древнейшие катехеты отбирали то, что особенно подходило для целей научения; в ходе постоянного устного наставления этот

¹ Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

материал приобретал довольно устойчивый вид. Такой способ преподавания и усвоения был тогда – и ещё долго впоследствии – обычным в иудейской среде. При составлении Евангелий их авторы в точности записывали этот переданный традицией материал. Но к тому, как его излагать и располагать, каждый из них в большей или меньшей степени подходил индивидуально. Вместе с тем евангелисты позволяли себе не только дополнять взятые из общего предания рассказы о событиях и речах Иисуса отдельными деталями, но и вносить в текст новые сюжеты и сведения, известные им лично или почерпнутые из особых источников. Очевидно также, что евангелисты, писавшие на некотором временном отдалении от излагаемых ими событий, пользовались уже существовавшими записями. Каким именно образом это происходило – вопрос чрезвычайно сложный, его едва ли можно разрешить во всех подробностях. Несомненно, однако, что право здесь древнейшее предание, сохранённое учеником Поликарпа Иринеем (с 177 г. епископ Лиона), которое ставит написанное на арамейском языке Евангелие от Матфея первым по времени, – а не современная библейская критика, желающая отдать это место Евангелию от Марка. Апостол Матфей, единственный из евангелистов, писавший для палестинских читателей, по-видимому, лучше всех сохранил ту первоначальную форму, в какой евангельское возвещение устно передавалось в древней Церкви.

Учитывая всё сказанное, современному читателю не следует без достаточных оснований усматривать точную хронологическую связь между событиями, если евангелист прямо не указывает на неё, – даже когда сам переход от одного рассказа к другому, казалось бы, подсказывает такой вывод. Нам нужно привыкнуть читать евангелистов так, как они сами писали и мыслили.

ИСЦЕЛЕНИЕ ПРОКАЖЁННОГО. 8:1–4 (Мк. 1:40–45; Лк. 5:12–14)

1 Когда же сошёл Он с горы, за Ним последовало множество народа. **2** И вот подошёл прокажённый и, кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь меня очистить. **3** Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: хочу, очистись. И он тотчас очистился от проказы. **4** И говорит ему Иисус: смотри, никому не сказывай, но пойдь, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им.

Впрочем, здесь, в начале восьмой главы, хронологическая последовательность вероятнее всего всё же соблюдена. Это видно из того, что у Луки исцеление слуги капернаумского сотника также следует сразу за Нагорной проповедью (Лк. 7:1). Только у Матфея перед этим – то есть, согласно ст. **1–2**, непосредственно после сошествия

Иисуса с горы, но ещё до исцеления слуги сотника, – происходит и исцеление прокажённого, о чём Лука и Марк рассказывают без определённой хронологической привязки. Поскольку, по словам Луки, прокажённый был исцелён «в некотором городе», мы можем представить себе ход событий следующим образом: сопровождаемый многочисленным народом, Иисус спускается с горы и направляется в Капернаум; по пути, в одном из городов, Он встречает прокажённого, исцеляет его и продолжает путь; затем, уже у ворот Капернаума или ещё на подступах к нему, происходит встреча с сотником. Оба этих рассказа прекрасно соответствуют тому, что Матфей хочет показать своим читателям в 8:1–17: сердечную готовность Иисуса помогать всем без исключения.

(2) «Подошёл прокажённый». Что это значило в то время? — Перед нами человек, обречённый на верную, хотя и медленно приближающуюся смерть. Различают два вида этой болезни, вызываемой бациллой проказы, открытой в 1873 году. Узловая форма проказы начинается с появления буро-красных пятен, особенно на лице и конечностях. Одновременно снижается чувствительность поражённых участков. Постепенно на месте пятен образуются узелки величиной с горошину, которые со временем превращаются в язвы. Разрушаясь, они разъедают поражённые части тела, а также слизистые оболочки, особенно носа и гортани. Нервная форма проказы начинается с таких же пятен, но сопровождается сильными нервными болями в голове и конечностях. Она также приводит к омертвлению конечностей и атрофии мышц, хотя и медленнее, чем узловая форма. Нервная проказа может мучить человека в продолжение двадцати лет, пока он наконец не умрёт от истощения. Узловая проказа обычно завершает своё разрушительное действие в течение десяти лет. По современным представлениям эта болезнь не настолько заразна, как это принято было считать. По-видимому, опасность заражения возникает лишь при длительном и очень тесном контакте с больными².

О том, что проказа была весьма распространена в Палестине, свидетельствуют подробные предписания о ней в третьей книге Моисея (гл. 13 и 14) и ещё более многочисленные установления Талмуда. Здесь даже содержится целый трактат о прокажённых. Закон требовал, чтобы они жили отдельно: *вне стана жилище его* (Лев. 13:46). Это установление относилось ко времени странствования по пустыне; впоследствии прокажённым запрещалось находиться внутри городов, окружённых стенами. Следовательно, в негородских селениях они могли оставаться. Но и там

² Современная медицина не рассматривает лепру как болезнь, неизбежно приводящую к смерти: она излечима. Кроме того, библейская «проказа» (евр. *цараат*) не тождественна болезни Хансена: этим словом могли обозначаться различные кожные заболевания.

больной должен был жить отдельно, то есть ему запрещалось непосредственное совместное проживание с другими людьми. Причина заключалась не столько в санитарных соображениях и опасности заражения, сколько в том, что прокажённый считался в высшей степени религиозно нечистым. Проказу повсеместно рассматривали как особое личное наказание Божие за различные грехи, прежде всего за клевету. В силу этой особенности нечистота прокажённого превосходила прочую нечистоту, о которой говорит Закон, так что ему надлежало держаться вдали даже от тех, кто сам считался нечистым и был исключён из общения с людьми. В отличие от других нечистых прокажённый осквернял не только то, к чему прикасался. Одного его присутствия было достаточно, чтобы осквернить всё, что было в данном месте. В Мишне³ говорится: «Если прокажённый входит в дом, то все находящиеся в нём предметы становятся нечистыми, вплоть до самых потолочных балок». Рабби Иегуда (ок. 150 г.) уточнял, что осквернение наступает, «если он пробудет там столько времени, сколько нужно, чтобы зажечь светильник». Даже случайное пребывание под одним деревом с прокажённым при определённых обстоятельствах могло сделать другого человека нечистым. Поэтому за соблюдением соответствующих предписаний Закона строго следили: прокажённый должен был раздирать на себе одежду, оставлять волосы неприбранными, прикрывать бороду и кричать: «Нечист! Нечист!» (Лев. 13:45). «Им не позволялось общаться ни с кем, и они ничем не отличались от мёртвых» (Иосиф Флавий). Проказа давала жене право развестись с мужем, однако она не была обязана это делать. Запрещалась лишь супружеская близость.

Впрочем, эти строгие предписания об обособленном проживании, по-видимому, соблюдались не везде. Прокажённые встречались и в городах, например, в Тивериаде. Да и прокажённого, о котором идёт речь, Иисус, согласно Луке, встретил в одном из городов. Более того, в трактате Мишны «Прокажённые» содержится даже предписание, согласно которому для больного проказой, желающего посетить синагогу, следовало устраивать небольшое особое ограждённое место. При этом он должен был входить первым, а выходить последним. С другой стороны, прокажённый, осмелившийся приблизиться к здоровым людям, должен был быть готов ко всему. Против несчастного восставал не только религиозный фанатизм. Самому стать нечистым из-за такого человека было весьма неприятно, поскольку это требовало продолжительных обрядов очищения. В Талмуде мы читаем: «когда рабби Реш-Лакиш (ок. 250 г.) замечал кого-нибудь из них в городе, он бросал в него камни, говоря:

³ Мишна — древнейший систематизированный свод иудейского устного предания, преимущественно религиозно-правового характера, сформировавшийся в окончательной редакции около 200 г. Мишна легла в основу Талмуда, в состав которого она входит вместе с Гемарой — позднейшими раввинистическими толкованиями.

„Ступай на своё место, не оскверняй людей!“» Вероятно, и другие прогоняли больных проказой подобным образом. К тому же Талмуд предусматривал для прокажённого, нарушавшего эти запреты, наказание бичеванием.

И вот такой несчастный, измученный человек, считавшийся отвергнутым небесами, презираемый и гонимый людьми, словно паршивая собака, в поисках помощи подошёл к Спасителю и пал к Его ногам. По его словам слышно, как сильно он боится и как неуверенно себя чувствует. «Господи! если хочешь, можешь меня очистить». Он верит и твёрдо убеждён, что Господь (об этом обращении см. комм. к 7:21) может его вылечить. Можно ли надеяться на Его милость? Прокажённый знает, что Иисус уже исцелил многих других больных. Но захочет ли Он исцелить и его, нечистого, отмеченного Богом, или с отвращением отвернётся от него? **(3)** «Хочу», – столь же кратко и решительно отвечает Иисус. Он бесконечно выше предрассудков толпы и её вождей, книжников, – и у Него хватает мужества, чтобы не считаться с этими предрассудками и на деле. «Иисус, простерши руку, коснулся его». Матфей, обычно опускающий второстепенные подробности, не случайно отмечает именно это обстоятельство. Иисус не боится заразиться. Не боится Он и «нечистоты». Как разительно отличается Его поступок от поведения некоторых иудейских учителей, о которых повествует раввинистическое предание! «Рабби Меир (ок. 150 г.) не ел яиц, купленных на улице, где находился прокажённый; рабби Абби и рабби Аси (ок. 300 г.) не заходили на улицу, где жил прокажённый; рабби Йоханан (279 г.) говорил: „запрещено проходить в четырёх локтях к востоку от прокажённого“, а рабби Шимон (ок. 250 г.) дополнял: „даже в ста локтях от него“». Поистине, как тяжело больному, равно как и грешнику, когда он видит, что его сторонятся или испытывают к нему отвращение! Иисус же произносит величественное в своей краткости слово: «очистись!» – и он тотчас очищается от проказы.

(4) Примечательно, как настойчиво Иисус сразу же велит исцелённому никому не рассказывать о случившемся. Марк выражается ещё резче: «Он строго приказал ему и тотчас отослал его». Подобные запрещения мы встречаем в Евангелиях неоднократно. Конечно, Иисус понимал, что их не станут соблюдать и что вообще невозможно сохранить чудеса в тайне, особенно когда они, как нередко бывало и как произошло в данном случае, совершались на глазах многочисленного народа (ст. 1). Но Спаситель вовсе и не стремился скрывать многочисленные совершённые Им вышеестественные благодеяния. Он Сам указывал на них как на свидетельство Своего посланничества (ср., напр., Мф. 11:4). Он хотел предотвратить другое: чтобы под свежим впечатлением от только что совершившегося чуда тотчас не разнеслась молва, привлекающая толпы

народа поглазеть на Него как на великого чудотворца. Иисус стремился избежать этого не только по практическим соображениям, чтобы толпы не осаждали Его чрезмерно (ср. Мк. 3:20 и др.), и не только из благоразумия, чтобы предотвратить возможные безрассудства восторженного народа (ср., напр., Ин. 6:14–15), – но прежде всего потому, что Ему глубоко претило, чтобы народ прославлял Его как великого чародея (ср. Мф. 12:16 и далее). Его подлинной сути люди всё равно не понимали.

Марк, ученик пылкого Петра, отмечавший проявления чувств Спасителя больше, чем несколько суховатый Матфей, даёт здесь понять (Мк. 1:43), с каким сильным чувством (ἐμβρισησάμενος – «строго внушив», «в сердцах, настойчиво»; более подробно об этом слове см. комм. к ст. 17) Иисус произнёс это запрещение. Однако едва ли само оно и обстоятельства, при которых оно было высказано, могут объяснить столь резкий тон. По-видимому, он был отголоском того глубокого внутреннего переживания, какое вызвали в Иисусе проказённый и его исцеление. Как бы сдержанно и спокойно ни звучали слова, которыми Спаситель повелевает болезням, при подобных исцелениях Он всем Своим существом переживает происходящее. Об этом речь пойдёт ниже (см. также комм. к ст. 17). Однако здесь запрещение разглашать чудо – не главное. Гораздо важнее следующее повеление: «Пойди, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им». Исцелённый мог подумать, что после столь чудесного очищения от проказы он тем самым освободился и от связанной с нею ритуальной нечистоты и уже не нуждается в предусмотренном Законом признании его чистым (см. Лев. 14:2 и далее). Но Иисус не допускает этого. Закон должен быть исполнен в точности. «Во свидетельство им» – то есть священникам. Они должны увидеть, что Иисус не только на словах, но и на деле всерьёз относится к тому, что Сам говорил в Нагорной проповеди (5:17 и далее).

Как ярко освещает исцеление проказённого дивную душу Иисуса из Назарета! Как высоко Его дух и воля стоят над предрассудками своего времени! Отверженный обществом человек для Него – не «нечистый», но несчастный, которому Он всем сердцем сострадает. С великой чуткостью и деликатностью Он преодолевает его робость и страх. И в то время как Его уста величественно и спокойно произносят божественное повеление, обращённое к болезни, Его душа глубоко переживает чужую боль, в буквальном смысле этого слова разделяя страдания мучающегося человека. Но хотя Его властное слово и мгновенное и совершенное исполнение этого слова показывают, что Он стоит выше всех законов, даже законов природы, – Иисус тем не менее подчиняет исцелённого, а вместе с ним и Своё собственное деяние, действующему Закону Израиля. Ибо Он пожелал стать человеком во всей полноте,

приняв на Себя не только законы человеческой природы, но и установления человеческого общества. Поэтому Ему бесконечно чужда всякая показная шумиха, более того – она вызывает у Него отторжение. Он идёт Своим собственным путём, о котором, по сути, никто из окружающих не знает и даже не догадывается. Одно совершенно ясно в этой необыкновенной Личности, чей человеческий облик скрывает Божество: никому, как бы ни были изуродованы его тело и душа, не нужно робеть перед Ним. Он никем не гнушается. Кто, подобно прокажённому, повергается к ногам Иисуса, пусть даже его подавленная, запуганная душа едва находит слова, чтобы поведать о своих страданиях, пусть он способен лишь с внутренней верой едва вымолвить: «Господи! если хочешь... можешь», – тот да не сомневается во всей полноте Его любви и могущества. Кто же слишком горд, чтобы повергнуться перед Богом, с тем и Бог обходится гордо.

ИСЦЕЛЕНИЕ СЛУГИ КАПЕРНАУМСКОГО СОТНИКА. 8:5–13 (Лк. 7:1–10)

5 Когда же вошёл Иисус в Капернаум, к Нему подошёл сотник и просил Его: **6** Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает. **7** Иисус говорит ему: Я приду и исцелю его. **8** Сотник же, отвечая, сказал: Господи! я недостойн, чтобы Ты вошёл под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; **9** ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идёт; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает. **10** Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашёл Я такой веры. **11** Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; **12** а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов. **13** И сказал Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час.

(5) Та же сердечная готовность Иисуса помогать людям видна и из следующего рассказа. Здесь к Нему снова обращается «нечистый» – язычник. Правда, Матфей не говорит об этом прямо – для иудейских читателей Матфея данное обстоятельство само собой разумелось; но это вполне ясно из повествования Луки (7:1–10), писавшего для язычников. Возможно, что сотник был не римским центурионом, а офицером на службе у Ирода Антипы. Но и на такую службу ни один иудей не соглашался.

В обращении сотника, с одной стороны, звучит глубокая тревога за слугу, которым он дорожит, – именно таким выражением следует перевести греческое слово *παῖς*

(первоначально «сын», «ребёнок», «отрок»; ср. Лк. 7:2, 10). По сообщению Луки, слуга был при смерти. **(6)** Мы слышим в словах сотника и объяснение, и извинение – он не мог привести больного к Иисусу. С другой стороны, здесь чувствуется и его смущение: он язычник, а значит, для иудея считается нечистым. Поэтому он не решается прямо высказать свою просьбу о том, чтобы Иисус Сам пришёл к нему домой.

Чтобы оградить народ от влияния язычников, особенно от их идолопоклонства, древняя синагога установила целый ряд предписаний, которые не только чрезвычайно затрудняли торговые отношения с язычниками, но и делали практически невозможным всякое общение с ними. Так, любая женщина-нееврейка изначально приравнивалась к женщине во время месячных и потому считалась нечистой. Ребёнок неевреев, достигший возраста, с которого раввины в определённых случаях считали возможным приписывать ему нечистоту, связанную с половой сферой, – для мальчиков девяти лет и одного дня, для девочек трёх лет и одного дня, – приравнивался к человеку, страдающему истечением, и потому также считался нечистым. Соответственно, всякий мужчина в языческой семье вследствие близости со своими «нечистыми» домочадцами – женщинами и детьми – сам неизбежно становился нечистым. Поэтому иудею следовало избегать сколько-нибудь тесного общения и с ним. Считалось, что гои, то есть неевреи, оскверняют не только при непосредственном контакте, но даже при пребывании с ними под одной кровлей. В Мишне говорится: «всякая слюна, встречающаяся в Иерусалиме, считается чистой (поскольку предполагается, что она принадлежит иудеям), за исключением слюны на Верхнем рынке». Рабби Иегошуа́ (ок. 250 г.) объясняет это так: «там жил валяльщик-нееврей» (который, следовательно, мог быть источником этой слюны). Понятно, почему иудей неохотно входил в дом язычника (ср. Ин. 18:28). Понятно и то, почему сотник-язычник не осмеливается высказать столь естественную в данном случае просьбу. **(7)** Но Иисус решительно говорит: «Я Сам приду и исцелю его». Этому ответу сотник не ожидал, хотя всей душой желал, чтобы так было, и косвенно давал Ему это понять. Смущённый великодушной готовностью Иисуса помочь ему, он восклицает: «Господи! я недостойн, чтобы Ты вошёл под кров мой».

Некоторые толкователи понимают слова Иисуса как вопрос, в котором Господь выражал бы Своё недоумение по поводу такой просьбы: «Я должен Сам прийти и исцелить его?» По их мнению, только так можно объяснить и особо выделенное в греческом оригинале местоимение «Я» (ἐγώ)⁴, и последующий ответ сотника,

⁴ В греческом языке личное местоимение при глаголе обычно необязательно: форма глагола сама указывает на лицо и число, так что для простого «приду и исцелю» можно было обойтись без ἐγώ. К тому же форма глагола θεραπεύσω может быть понята и как будущее время изъявительного наклонения

побудивший Иисуса совершить исцеление на расстоянии. Но не говоря уже о том, что такое толкование плохо согласуется с повествованием Луки, – объяснение, изложенное нами, гораздо убедительнее с психологической точки зрения. Ответ сотника не выглядит ни бессмысленным, ни выражающим излишнее смирение. Как нередко бывает в подобных случаях, в его душе боролись противоречивые чувства, которые и нашли выражение в его словах. Неожиданная, смущающая и вместе с тем столь желанная им готовность Иисуса прийти в его дом глубоко трогает сотника. Из этого рождается его твёрдая вера: Господу вовсе не обязательно приходить лично. Он может исцелить и на расстоянии.

Как же сотник представляет себе это? Совершенно по-военному: **(9)** «Ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдись...» и т. д. Как военный, он хорошо знает, *что* значит повиноваться и повелевать. От иудеев, с которыми он, несмотря на своё языческое происхождение, поддерживает добрые отношения (ср. Лк. 7:3–4), он уже немало слышал об ангелах – небесных воинствах, состоящих на службе у Бога. Поэтому Иисуса, о чудотворениях Которого сотник также знает, он представляет себе по аналогии со своим собственным положением: как некоего высшего военачальника Божия, Который, с одной стороны, подчиняется верховной власти Бога, а с другой – Сам повелевает небесными воинствами. Ему достаточно приказать одному из ангелов исцелить слугу, и повеление непременно будет исполнено.

Богословские представления сотника, конечно же, наивны и несовершенны. Но Спасителя это не отталкивает: Он смотрит на главное – на веру. **(10)** Такой веры Он до сих пор ещё не встречал ни у кого, – «в Израиле», добавляет Он, поскольку до этого Ему приходилось иметь дело только с израильтянами. И действительно, вера этого человека, при всём несовершенстве его богословских представлений, по-воински прямо и безыскусна: он воспринимает происходящее как нечто само собой разумеющееся. И такие люди любезны Господу – они весьма соответствуют Его собственному характеру. И Самому Иисусу свойственны эта прямота и естественная простота. Таким людям и вера даётся без особого труда. Вместо того чтобы сомневаться, критиковать и предаваться бесконечным раздумьям, они привыкли просто повиноваться. И вера, в конечном счёте, тоже есть повиновение, послушание Богу.

(«исцелю»), и как аорист сослагательного наклонения в вопросе («исцелить ли мне?»). Поэтому выбор между утверждением и вопросом определяется контекстом, а соответствующая пунктуация устанавливается издателем греческого текста.

Прекрасная вера сотника-язычника даёт Иисусу повод для скорбного размышления и печального пророчества об иудеях, которые, будучи «сынами Царства», по праву должны были бы первыми войти в него и стать его наследниками. **(11)** Но будет иначе. Многие «с востока и запада», со всего населённого язычниками мира, возлягут за трапезой с праотцами Израиля в Царстве Небесном, **(12)** тогда как сыны Царства будут изгнаны во тьму внешнюю. Это, разумеется, означает, что они вообще не войдут в Царство Небесное. Иисус говорит здесь образами и выражениями, хорошо знакомыми Его современникам. Особенно ярко страшные места, предназначенные для нечестивых, описываются в апокалиптической литературе того времени. Тем суровее звучит предостережение Иисуса – «плач и скрежет зубов», которые Его слушатели так охотно представляли себе в отношении других, ожидают их самих, если они пребудут в своём неверии. **(13)** Сотнику же Иисус говорит: «Иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И слуга выздоровел в тот же час».

Остаётся вопрос, произнёс ли Иисус эти слова о неверии здесь, или же в другой обстановке, о которой повествует Лука (13:23 и далее). В своём подробном сообщении об исцелении слуги сотника Лука таких слов не приводит. Впрочем, согласовать рассказ Матфея с несколько отличающимся повествованием Луки нетрудно. Вероятно, Лука точнее передаёт сам ход событий, а Матфей, по своему обыкновению, сократил его, чтобы более ёмко и наглядно выделить главное. Поэтому он, опустив ходатайство иудейских старейшин (Лк. 7:3–5), сразу выводит на сцену самого сотника. Очевидно при этом, что рассказ Иоанна (4:46 и далее) вовсе не повторяет эту историю, как утверждают критики. Это следует не только из того, что оба события относятся к разным периодам служения Иисуса, и не только из различия между царедворцем и его больным сыном, с одной стороны, и сотником и его слугой – с другой. Главное различие заключается в духовном состоянии самих просителей. Здесь вера сотника-язычника служит примером, которому удивляется даже Сам Иисус. Там же Он встречает у царедворца, по-видимому иудея, полуверу, жаждущую чудес, которой ещё предстоит пройти испытание, чтобы возрасти до подлинной веры.

ИСЦЕЛЕНИЕ ТЁЩИ ПЕТРА И МНОГИХ ДРУГИХ. 8:14–17 (Мк. 1:29–34; Лк. 4:38–41)

14 Придя в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, **15** и коснулся руки её, и горячка оставила её; и она встала и служила им. **16** Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных, **17** да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: Он взял на Себя наши немощи и понёс болезни.

У читателя, ещё не освоившегося с подходом библейских авторов к хронологии, по мере знакомства с этой главой Евангелия складывается впечатление, будто Иисус, исцелив по дороге прокажённого, а затем, при входе в город, слугу сотника, **(14)** сразу направился в дом Петра и там исцелил его тещу. В действительности же это событие произошло в другое время, причём, по свидетельству Марка, в самом начале галилейского служения Иисуса, в одну из суббот, когда Он провёл первую половину дня в синагоге, уча там народ и исцелив бесноватого (Мк. 1:21 и далее). Матфеем, судя по всему, знал об этом – что видно из его замечания (ст. 16) «когда же настал вечер, к Иисусу привели других больных». Само по себе это замечание у Матфея почти ничего не объясняет, но становится вполне понятным в сопоставлении с Марком: день был субботним, а потому лишь после его окончания, с наступлением вечера, народ стал приносить к Иисусу больных. Тем не менее Матфей, пользуясь свойственной евангелистам свободой изложения, поместил этот рассказ именно здесь, чтобы показать готовность Господа помогать всем страждущим, – и не столько потому, что исцеление тещи апостола служило примером этой всеобъемлющей готовности, сколько ради последовавших за этим событий. Поэтому и само исцеление Матфей описывает лишь несколькими словами.

Термин «горячка» сам по себе мало что говорит, поскольку повышением температуры сопровождаются многие заболевания. Лука, врач по профессии, пользуется выражением, принятым у греческих врачей: «сильная лихорадка». Следовательно, это была не просто лёгкая простуда или инфекция, которая могла пройти сама собой. **(15)** Тем очевиднее чудо: исцелённая «тотчас», как подчёркивает Лука, встала и приготовила трапезу, тогда как сильная лихорадка обычно оставляет после себя большую слабость.

В этом чуде, как и во всех других чудесах Иисуса, проявляется совершенно особый характер Его исцелений. Хотя страдания больного и сострадание к нему глубоко затрагивают душу Спасителя, в самом способе, каким Он исцеляет, не заметно ни малейшего усилия, ни следа напряжения воли, борьбы с болезнью или особого сосредоточения духа и воли с целью подчинить болезнь Своему воздействию (относительно Мк. 7:32–37 и Мк. 8:22–26 см. толкования к этим местам). Тем более нет у Него ничего от магических ухищрений, к которым прибегали тогдашние чародеи и заклинатели бесов (см. ниже, комм. к 8:28). Простым жестом, словно мимоходом, или кратким повелением, не более многословным, чем воинская команда, Господь исцеляет больного. При этом не только прекращается сама болезнь, но одновременно исчезают и все её последствия, так что не требуется даже времени на восстановление

сил. Если оставить в стороне великие чудеса власти над природой и чудеса творения, такие как укрощение бури (Мф. 8:23 и сл.; Мк. 4:35 и сл.; Лк. 8:22 и сл.), умножение хлебов (Мф. 14:13 и сл.; 15:32 и сл.), превращение воды в вино (Ин. 2:1 и сл.), воскрешение мёртвых (Мф. 9:18 и сл.; Лк. 7:11 и сл.; Ин. 11:1 и сл.), в том числе уже начавших разлагаться (Лазарь, Ин. 11:39 и сл.), – то даже в более «рядовых» исцелениях, совершаемых Иисусом, где ещё можно было бы спорить о возможности действия необычайных, но всё же природных целительных сил, есть нечто столь поразительное, что никакой серьёзно мыслящий человек не может пройти мимо этого. Поэтому тщетной была бы попытка исключить рассказы о чудесах из истории жизни Спасителя. Они настолько неразрывно связаны со всем повествованием о Нём, что пришлось бы объявить легендой и всю Его жизнь. Но это совершенно невозможно. История Иисуса так тесно переплетена со всей христианской литературой, восходящей ещё к апостольскому времени, что утверждать, будто Евангелия возникли лишь как плод позднейшего воображения, было бы примерно то же самое, что уверять, будто «Фауст» Гёте написан уже после появления комментариев к нему. Таким образом, всякому, кто с историческим доверием относится к Евангелию, остаётся признать в чудесных деяниях Иисуса не что иное, как проявление Божества, сокрытого в Его человеческом облике.

(16) «Когда же настал вечер, к Иисусу привели многих бесноватых, и Он изгнал духов Своим словом и исцелил всех больных». Матфей видит в этом исполнение пророчества Исаии: **(17)** *Он взял на Себя наши немощи и понёс болезни* (Ис. 53:4). У Исаии речь идёт о телесных страданиях и мучениях Самого Мессии, настолько изувечивших Его, что в Нём уже не оставалось *ни вида, ни величия* (Ис. 53:2). Однако эти Его страдания пророк называет *нашими*, поскольку, как говорится далее, Мессия принял их на Себя за наши грехи (Ис. 53:5), и, стало быть, понёс то, что по справедливости должны были бы понести мы сами. Греческий текст допускает и другой перевод этих слов: «Он избавил нас от наших болезней». Однако приведённый выше более широкий перевод предпочтительнее. Хотя употреблённые здесь греческие глаголы могут иметь значение «снять», «удалить» болезнь – такое употребление встречается, в частности, в медицинских сочинениях, – Матфей имеет в виду нечто большее: Христос не просто избавляет людей от болезней, но совершает это, предуказывая, что впоследствии в Своих святых страданиях Он примет на Себя те мучения, которых эти больные и вообще все грешные люди заслужили своими грехами.

Но, возможно, и другая мысль побудила евангелиста связать исполнение этого пророчества именно с исцелениями больных, а именно: как глубоко Иисус всем Своим существом переживал человеческие страдания. Как уже говорилось, при всём спокойствии и сдержанности, с какими Он действует и повелевает, исцеляя бесноватых и больных, сами их страдания должны были трогать Его до глубины души, порой вызывая сильное волнение. Некоторые краткие замечания евангелистов позволяют предположить, что неоднократно употребляемое по отношению к Нему слово *σπλαγχνισθεῖς* («умилосердившись», то есть «будучи подвижимым состраданием») следует понимать почти буквально – как глубочайшее внутреннее сопереживание.

О том, как сильно это служение изнуряло Его физически, нередко сверх всякой меры, можно неоднократно прочесть между строк евангельских повествований. Например, когда однажды Иисуса настолько окружил народ, что Ему некогда было даже поесть, Его родственники решили: *Он вышел из Себя* (Мк. 3:20–21). Эти слова были продиктованы неверием и раздражением, – но из них всё же видно, что Его нервное напряжение тогда было заметно окружающим. А когда в другой раз Марк рассказывает (4:36), что ученики увезли Иисуса от народа, «как Он был в лодке», без всяких приготовлений и промедления, можно предположить, что они с тревогой заметили, как силы Его почти иссякли. Неудивительно, что тогда Он сразу погрузился в столь глубокий сон, что даже не проснулся от разразившейся вскоре бури.

Но особенно примечательный пример того, в какое сильное человеческое волнение приводили Иисуса страдания ближних, приводит Иоанн – евангелист, который более других раскрывает Его Божество. В рассказе о воскрешении Лазаря (Ин., гл. 11) Иоанн повествует, как Мария, сестра Лазаря, пришла к Иисусу и, плача, пала к Его ногам со словами: *Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой*. Затем евангелист пишет: *Иисус, когда увидел её плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, восскорбел духом и возмущился* (Ин. 11:33). Уже встреченное нами греческое выражение *ἐνεβρίμῃσατο*, переданное в переводе как «восскорбел», очень сильное. Первоначальное его значение – «фыркать», «сердито отвечать кому-либо», что предполагает сильное душевное волнение. Разумеется, Иисус не мог гневаться на Марию, которую очень любил, а значит, и на плакавших вместе с нею иудеев. Причина Его гнева заключалась совсем в другом. Хотя Спаситель и отвергает ложное фарисейское представление о том, будто всякая болезнь служит наказанием за личные грехи самого больного или, по крайней мере, его предков (ср. Ин. 9:2 и далее), Он тем не менее очевидно убеждён, что в конечном счёте виновник всех бед и страданий – это сатана, тот, кого Он называет *человекоубийцей от начала* (Ин. 8:44).

Так, о женщине, которую Он исцелил от тяжкого недуга – по-видимому, сильной подагры, от которой всё её тело скорчилось, – Иисус говорит, что *сатана связал её на восемнадцать лет* (Лк. 13:16). Подобным образом позднее Пётр кратко характеризует всё земное служение Господа: *Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых дьяволом* (Деян. 10:38).

Иисус был Богом и Человеком в одном Лице. Поэтому для Него сферы естественного и вышеестественного не были двумя обособленными областями, которые Ему приходилось бы, подобно нам, обыкновенным людям, с трудом согласовывать между собой. В Его сознании они пребывали в неразрывной связи, составляя единое целое. Поэтому земные вещи и события Он видел не только в их естественных взаимосвязях, но одним и тем же взором проникал сквозь них вплоть до последних вышеестественных причин и следствий. Так и первое злодеяние сатаны в раю, ставшее причиной всего нравственного и физического зла в мире, представало Его взору, охватывающему всю вечность, столь же живо, как все болезни и страдания, которые Он видел вокруг Себя. Неудивительно, что всякий раз, сталкиваясь с ними, Он воспламенялся гневом против дьявола и зла – гневом особым, святым, на который была способна только Его человеческая душа, ипостасно соединённая с Божеством. И с этим высочайшим гневом против того, чьи дела Он пришёл в мир разрушить (1 Ин. 3:8), соединялось столь же глубокое сострадание к несчастным жертвам дьявола.

В выражении *Иисус возмутился*, то есть «взволновался» (Ин. 11:33) Иоанн употребляет слова ἐτάραξεν ἑαυτόν – не просто «пришёл в волнение», но буквально «взмутил себя», «привёл себя в волнение». Такое грамматическое построение весьма примечательно. Чувства Иисуса не были, как у нас, чем-то произвольным, что внезапно овладевает нами и может увлечь нас за собой даже вопреки нашим стремлениям и образу жизни. В душе Богочеловека всё, включая движение чувств, находилось под властью духа и воли. И всё же эти чувства были совершенно реальны, о чём свидетельствует нам именно Иоанн: *Иисус прослезился* (Ин. 11:35), – то есть внутренние движения Его души проявлялись и внешне, телесно, становясь заметными окружающим; иначе те не смогли бы о них рассказать. Более того, судя по немногим замечаниям, сохранившимся в Евангелиях, порой переживания Иисуса достигали такой силы, что должны были глубоко затрагивать и Его тело, которое во всём было подлинно человеческим.

По-видимому, именно это и побудило Матфея увидеть в исцелениях больных исполнение упомянутого пророчества (ср. также комм. к 9:22). В этом свете особое

значение приобретают и слова Иисуса, в которых Он прямо отождествляет Себя со всеми страждущими: «ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25:35–36).

Конечно, никто из нас не может – да и не должен – в такой же мере, как наш Спаситель, разделять страдания ближних. Мы просто не выдержали бы этого, поскольку не обладаем чудотворной силой, чтобы так помогать людям. Но человек, страдающий телесно или душевно, сразу чувствует, исходит ли обращённое к нему доброе слово из сердца, искренне откликающегося на его боль, или это всего лишь профессиональная привычка и формула вежливости. Лучше вовсе не задавать вопрос «Как вы себя чувствуете?», если в нём нет искреннего участия. Если говорить о пастырях Церкви, то нести скорби других людей, принимать на себя их тяготы (ср. Мф. 8:17; Гал. 6:2), а не просто указывать им, что нужно, а что нельзя, а затем вершить над ними свой строгий суд в исповедальне, – вот подлинная задача душепопечителя. Так Иезекииль поддерживал общину изгнанников Израиля, изнемогавшую под тяжестью судов Божиих. Но и у каждого человека есть – или, по крайней мере, мог бы и должен бы быть – кто-то, кому он призван стать опорой. Эту задачу возлагает на него либо родство, либо особое устройство промысла Божия. *Носите бремена друг друга* (Гал. 6:2). Это помогает человеку не задохнуться в собственных мелочных заботах, не погрязнуть в личных потребностях и привычках, не утратить широту взглядов и действий, – и вместе с тем укрепляет его душу, давая силы как противостоять превратностям собственной судьбы, так и помогать ближним. Обрести же эти силы он сможет лишь тогда, когда сам будет опираться на Того, Кто пришёл, чтобы взять на Себя бремя каждого из нас.